

ЛИКИ РУССКОЙ СВЯТОСТИ

Наталья
Иртенина

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Наталья Иртенина

Лики русской святости

«ВЕБКНИГА»

2022

Иртенина Н. В.

Лики русской святости / Н. В. Иртенина — «ВЕБКНИГА»,
2022 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-23-504763-1

Россия фантастически богата святыми. На каждый день календарного года приходится хотя бы один, а чаще несколько святых, «в земле Российской просиявших». Писатель и публицист Наталья Иртенина стремится все эпохи в жизни России и Русской Церкви, включая век минувший, представить через призму святости. Летописец Нестор и Владимир Мономах, Сергей Радонежский и Андрей Рублев, Тихон Калужский и Трифон Печенгский, Феодорит Кольский и Варлаам Керетский, Серафим Саровский и патриарх Тихон, святая новомученица Татьяна Гримблит и многие другие стали героями книги. В их биографиях явственно звучит тема живейшего участия святых в складывании русской истории, в развитии культуры, просвещения, искусства. Православие и христианская святость показаны как русская национальная идея, а святые – как воспитатели, просветители и попечители русского народа.

ISBN 978-5-23-504763-1

© Иртенина Н. В., 2022

© ВЕБКНИГА, 2022

Содержание

РУССКАЯ СВЯТОСТЬ И ЕЕ САМОЦВЕТЫ	8
ЯЗЫК СВЯТОСТИ	9
АНТОНИЙ ПЕЧЕРСКИЙ И МОНАШЕСКАЯ «РЕВОЛЮЦИЯ» В ДРЕВНЕЙ РУСИ	11
ОТКРОВЕНИЕ ИСТОРИИ. НЕСТОР ЛЕТОПИСЕЦ	16
ЖИТИЕ ИКОНОПИСЦА АЛИПИЯ: МЕЖ ДВУХ ОБРАЗОВ УСПЕНИЯ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Наталья Иртенина

Лики русской святости

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Иртенина Н. В., 2022

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2022

* * *

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2138

(1938)

РУССКАЯ СВЯТОСТЬ И ЕЕ САМОЦВЕТЫ

Наша страна фантастически богата святыми. За всё время существования христианской Церкви на нашей земле произошла канонизация многим более чем тысячи подвижников. Притом большинство причтенных к лику святых приходится на XX столетие: у нас в России за несколько десятилетий появилось столько людей, принявших муки и смерть за веру, как будто века раннего христианства, когда в Римской империи нещадно казнили и пытали за приверженность к Иисусу Христу, оказались спрессованы на хронологическом пространстве раз в десять меньше. Но и русское средневековье также украшено множеством людей, угодивших Богу; их сотни.

На каждый день календарного года приходится хотя бы один (а чаще более того) святой, «в земле Российской просиявший».

Русская Православная Церковь делит их на особые «чины», или, проще говоря, группы, по характеру святости. Например, «благодарные князья», «духовные просветители», «пастыри», «преподобные», «мученики», «исповедники», «страстотерпцы», «воины за веру». Словно огромная казна духовная посверкивает горами самоцветов, различающихся по свойствам и происхождению, но одинаково прекрасных перед лицом Господа. Рубины, изумруды, алмазы, сапфиры, не имеющие измеримой материальной ценности, но для верующего человека служащие красотой своей жизни, подвигами и трудами духовными в качестве живых нравственных эталонов.

Известный православный писатель и публицист Наталья Иртенина, лауреат церковной премии «Новая библиотека», представила в своей книге – максимально широко! – самые разные чины русской святости. В этом смысле она обновляет задачу, когда-то поставленную Георгием Федотовым в книге «Святые Древней Руси». Ей близко известное высказывание Георгия Петровича: «Если мы не обманываемся в убеждении, что вся культура народа, в последнем счете, определяется его религией, то в русской святости найдем ключ, объясняющий многое в явлениях и современной, секуляризированной русской культуры».

Вот только в своем труде автор книги стремится к большей полноте высказывания. Так, чтобы все эпохи в жизни Русской Церкви, включая век минувший, были показаны через призму святости. Так, чтобы природа всех разновидностей духовных самоцветов стала ясна читателю, тянущемуся к вере, к Церкви. Так, чтобы удивительные сокровища души, содержащиеся в житиях святых, стали достоянием читателя, который, может быть, не воцерковлен и даже не крещён, но интересуется культурой, искусством, историей своего отечества – ведь без святости и святых русская культура, русское искусство и русская история глубоко не полны.

Если изъять из русской истории святость, она станет подобна колоколу с вырванным языком.

Так прикоснись же, дорогой читатель, к языку русского колокола!

Дмитрий Володихин

ЯЗЫК СВЯТОСТИ

Однажды автору этих строк задали вопрос: в чем особенность русских святых, русской святости, есть ли у них характерная черта, своеобразие, отличие? Подобрать ответ сразу было трудно. Но чуть позже он сложился. Русская святость многогранна и обильна. Именно в этом ее особость. Это целая страна на небесах – Святая Русь. Ее свет проливается оттуда на грешный наш земной удел, исторически оформленный в Россию-матушку, русскую сторонущку, и свою игрою, переливами, блеском и искрением творит для нас то невидимое, но весомое сокровище, что зовется русской национальной идеей. Без этого сокровища нам жизнь – не жизнь, а беспросветность и умирание. Имея оное, мы не храним его, а потерявши – плачем, часто даже не сознавая – о чем.

Много лет назад очерк автора «Святость как национальная идея» был опубликован в журнале Никиты Михалкова «Свой», потом попал в интернет. С тех пор он живет своей жизнью, разойдясь по сети, угодив в разряд безымянного «общественного достояния». Фрагменты его можно найти где угодно: от школьных рефератов до – вот уж странное дело – научных диссертаций. Так что, получается, прав у автора на этот очерк как бы уже и нет. Но в этой книге, рассказывающей, из чего и как собиралось веками русское сокровище – святость, самое место ему. Поэтому приведем хотя бы часть его.

* * *

Собор всех святых, в земле Российской просиявших, это и есть то, что мы зовем Святой Русью. Огромное множество наших соотечественников, увенчанных венцами небесного гражданства. Святость на Руси была идеалом человеческой жизни и подвига.

Наша секуляризованная, расцерковленная современность утратила понимание феномена святости – этого универсального языка, на котором говорили и которым жили наши предки. Между тем русские святые в полном смысле слова – национальное достояние наряду с прочими государственными мужами, гениями и народными героями. Они – творцы Русской державы, созидатели ее высокой культуры, ярчайшие выразители русского духа.

«Их идеал веками питал народную жизнь; у их огня вся Русь зажигала свои лампадки», – писал в книге «Святые Древней Руси» Г. П. Федотов.

Эпоха начала Русского мира дала равноапостольных Ольгу и Владимира, первых христианских просветителей и устроителей государства. Их усилиями Русь вошла в сообщество европейских христианских стран, получила мощный импульс к развитию. Монголо-татарское время и период тевтонской экспансии дали нам святых защитников, «воителей за землю русскую» – князей-полководцев Александра Невского, Довмонта-Тимофея Псковского, Дмитрия Донского. Эпоха созидания Московской Руси потребовала целой плеяды неординарных личностей, положивших на это свои труды и жизнь: святого князя Даниила, «хозяина Москвы», святителей московских Петра, Алексия, Киприана, Ионы и др. Темные времена иноземных вторжений выдвигали на передний план мучеников за веру, как князь Михаил Черниговский, чей подвиг стал вдохновляющим примером мужества, превосходства национального духа над «бесерменством» захватчиков, или патриарх Гермоген, своими грамотами поднимавший народ против католических интервентов во время Смуты. В XX столетии государственное богоборчество, «внутренняя интервенция» вызвали к жизни громадную волну новомученичества и исповедничества (на вершине ее – патриарх Тихон), которыми жива осталась Церковь в России, да и сама Россия, вымоленная от гибели тысячами новых святых.

В годы относительного мира и благополучия расцветало общественное и культурно-просветительское служение: деятельность Стефана Пермского, Геннадия Новгородского, Иосифа Волоцкого, Иннокентия Московского, Иоанна Кронштадтского, великой княгини Елизаветы Федоровны многое могут сказать уму и сердцу русского человека. И уж в любые эпохи не оскудевал вклад, вносимый святыми подвижниками в сферу собственно культуры, искусства, книжности: Нестор Летописец, Кирилл Туровский, Андрей Рублев, книжники русских монастырей, митрополит всея Руси Макарий, Димитрий Ростовский, Амвросий Оптинский, к которому ездили для бесед Ф. М. Достоевский, философ К. Н. Леонтьев, Л. Н. Толстой и др.

Святость, устремленность к небу, к высшей правде – это был глубинный язык бытия, понятный всем, от крестьян до государей. Благодаря этому общему языку был возможен подлинный демократизм – как один из вспомогательных инструментов власти, была возможна симфония – соработничество – власти и народа. Народ в лице преподобных старцев, монахов поучал князей и бояр, вел с ними беседы о том, как подобает землей править, как в мире с совестью и с народом жить, как праведный суд строить, как государство русское возводить. Собеседниками правителей и авторами поучительных посланий власть имущим были Феодосий Печерский, Кирилл Белозерский, Пафнутий Боровский, Иосиф Волоцкий, в эпоху империи – святитель Митрофан Воронежский, которого почитал Петр Первый, митрополит Филарет (Дроздов), с которым советовались три императора, Серафим Саровский, чье письмо, адресованное Николаю II, было передано государю спустя семьдесят лет после кончины преподобного, во время пребывания царской семьи в Дивееве на торжествах прославления этого святого.

Нередко святым приходилось напрямую вмешиваться в дела политические, раз за разом доказывая, что политика не имеет права быть грязным делом, что только тот дом строится прочно, на века, в основание которого положены братская любовь и нравственная чистоплотность. Святость мирила князей в их кровавых усобицах, раздиравших Русскую землю, выступала с обличениями неправды и произвола (как митрополит Филипп во время опричнины). Нравственный и духовный авторитет святых подвижников был очень высок: они могли повелевать правителям, силою слова и собственной личности смирять буйные нравы. Вместе с преподобными и святителями к сильным мира сего обращались юродивые – известен рассказ, как несколькими словами, адресованными Ивану Грозному, блаженный Николай Салос-Псковский предотвратил опричную резню в Пскове. И ни с чем невозможно сравнить колоссальное воздействие святых на русский народ в целом: центральными фигурами, точками притяжения здесь выступают Сергей Радонежский и Серафим Саровский.

Язык святости, без преувеличения, создал русское государство, воспитал народ. И он же лег в основание важнейших культурно-общественных явлений: им питался язык политического действия (защита национальных святынь, мирная колонизация земель и просвещение туземцев-язычников, вовлечение их в орбиту высокой христианской культуры), язык социального служения, язык бытовой жизни и язык искусства.

Языком святости Бог говорит с людьми – через своих избранных, когда словом, сообщением свыше становится сама жизнь подвижника, пророчествующего, прозревающего чужие помыслы, исцеляющего, вразумляющего, творящего именем Бога чудеса. Господь возвещает через них: Я есмь, Я здесь, Я слышу вас, радуюсь и ужасаюсь вашим делам, Я желаю всем спасения и только жду, когда вы отворите Мне свои сердца, чтобы Я вошел в них. Святостью своих избранников Бог рассказывает людям о них самих. Как и люди тою же святостью немногих праведников говорят Богу о себе – что род человеческий стоит спасения, ибо обещал Господь Аврааму: «и ради десяти праведников не погублю города». Святыми Своими Бог показывает, чего Он хочет от нас. Мы же жизнью святых, прославлением их и любовью к ним отвечаем Ему. И если не все могут хотя бы приблизиться к святости, то всякий может помолиться у гроба праведника или зажечь у его иконы свечу...

АНТОНИЙ ПЕЧЕРСКИЙ И МОНАШЕСКАЯ «РЕВОЛЮЦИЯ» В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Славна была Русь богомольями. Тысячи паломников от мала до велика, от нищего до государя веками заполняли ее дороги, неторопливо обходя монастырь за монастырем, молясь Богу и святым угодникам, одаривая обителю кто чем в силах. И доныне паломничество в монашеские обители есть одна из опор русского православия и народного духа. В монашестве и верующему, и неверующему сияет нечто, словно вынутое из глубины их собственных душ, отмытое, очищенное.

Монах-подвижник несколько веков был для русских идеалом человека. По суровому монастырскому уставу – в части постов и молитв – жили не только монашеские обители, но и вся страна, лишь с некоторыми послаблениями. Антиохиец Павел Алеппский, посетивший в XVII веке Россию, назвал ее «вратами борьбы, пота, трудов и пощения». Православные иноземцы с ужасом и восхищением высказывались о суровом благочестии русских, которые и в миру жили как в монастыре.

Но такой накал веры в XVI–XVII веках стал возможен потому, что в XI столетии монахи совершили на Руси свою «социальную революцию», а в XIV веке ее повторил Сергей Радонежский.

Было время, когда русское монашество не знало никакой народной любви. Приведенное в русские земли христианством, оно не сразу пустило корни. Сперва ютилось при церквях и ничем себя не выказывало, не становилось занозой для вчерашних идолопоклонников, еще вполне по-язычески смотревших на свою жизнь и ее обустройство. Но вот в 1030-е годы в пещерах над Днепром у Киева зародилась обитель, которой в веках суждена была громкая слава, – Киево-Печерская. Князь к ее появлению отношения не имел, и возросла она, превратившись в духовный центр Руси, исключительно подвигами своей монашеской братии. Подвигами суровыми и невообразимыми для тогдашнего обывателя, не то двоевера, не то вовсе прихожанина ближнего капища и «клиента» бродячих волхвов. Да и не подвигами вовсе – на взгляд того же обывателя, сельского смерда-язычника или едва воцерковленного горожанина.

Поначалу в пещерах обитало всего несколько монахов во главе с Антонием Печерским. Родоначальник традиций русского монашества, он первым ушел под землю жить, молиться и спасать душу. Перед тем Антоний долго монашествовал на Афонской Святой Горе в Греции, знал все тяготы и искусства иночества. Оттуда на Русь он был послан игуменом монастыря с духовной миссией – Антонию предстояло утвердить в новокрещенной стране афонские принципы аскетического монашества. Спустя четверть века в его подземной обители спасаются уже 12 монахов. Сам Антоний живет в затворе, а руководит братией игумен Варлаам. С 1062 года наставничество над иноками примет Феодосий Печерский, другой, наряду с Антонием, «отец русского монашества». При нем число монахов увеличится до сотни, монастырь, к тому времени выйдя из-под земли на поверхность, начнет строиться, расширяться и обзаводиться хозяйством и земельным имуществом – и в этом уже будут принимать участие князья, благочестивые бояре.

С Афона Антоний Печерский принес на Днепр благословение Святой Горы. Однако Русь не Греция, даже на широте Киева. Обитать в пещере под землей здесь – совсем не то что там, и аскетизм тут вдвойне суров. И закапываться нужно глубже от зимних холодов, и «вареная овощ» не круглый год на трапезе будет, и кости от подземной сырости стонут. Но и тут Антоний, а за ним и прочие печерские монахи находят способы утрудить себя еще более, еще жестче: едят один сухой хлеб, воду пьют помалу, а некоторые и спят только сидя, и затворя-

ются на годы в крохотных пещерках, где едва можно развернуться, нельзя даже выпрямиться в полный рост. И не дают себе покоя в трудах молитвенных и физических.

Первые печерские монахи с пылом первохристианской эпохи взялись за наработку собственного аскетического опыта, добровольного страдания во имя Христа. У них не было других учителей, кроме переведенных древних патериков – житий египетских, палестинских, синаяских отшельников. Они шли путем проб и ошибок на этом труднейшем пути, где подстерегают страшные духовные опасности – искушения и падения. Так, два раза они обжигались на попытках полного затворничества в пещере: два монаха, Исаакий и Никита, не сумели в итоге раскусить обман бесов и едва не погибли. В третий раз печерские отцы просто не пустили в затвор инока, высказавшего такое пожелание.

А кроме того, аскетическое монашество, средоточием которого стал Печерский монастырь, утверждало в древнерусском обществе совершенно новый тип социального поведения – смиренное уничижение. Невиданное прежде на Руси (и в полной мере расцветшее лишь триста-четырееста лет спустя, в эпоху исторической Святой Руси) явление прокладывало себе дорогу не без мук, с усилием продираясь «через тернии». Феодосию Печерскому в юности пришлось выдержать долгое нравственное противоборство с собственной матерью, боярской вдовой, не желавшей видеть сына в худых портах, за холопьем работой да еще с цепью на теле, надетой для укрощения молодой плоти. Не помогли вдове ни побои, ни оковы, ни мольбы – Феодосию был вполне ясен его жизненный путь. У игумена Варлаама начальный искус – брань, принятая от мира, – был не менее болезненный, хотя и более краткий. Тоже боярский сын, он приехал к пещере Антония в полном убранстве княжьего дружинника – на коне, в самых нарядных одеждах. Раздевшись, кинул всё к ногам монаха, подвел коня и сказал: «Вот прелесть мира, делай с ней что хочешь, а меня прими к себе». Антоний, уверившись в твердости намерений отрока, облачил его в иноческое одеяние. А затем явился разгневанный отец юноши со своими людьми. Они силой вытащили новоиспеченного пещерника на свет божий, без всякого почтения разогнали остальных монахов. Отрока одели в прежний наряд и повезли домой. Несколько раз он срывал с себя ненавистную одежду, был одеваем вновь и, наконец, связан. Через несколько дней боярину стало совершенно ясно, что сына не переубедить в его вдохновенном упрямстве. Родовой боярской чести пришлось понести большой ущерб...

В глазах крещеного мирянина, еще очень крепко повязанного по рукам и ногам традициями отживавшего родоплеменного строя, патриархально-языческого миропорядка, главным было не «надругательство» над собой, которое творили печерские отшельники. Главное виделось ему в том, что нестяжательность, целомудрие и смирение (в переводе на мирской язык – отказ от родовой чести, нищета, безбрачие и бездетность) отныне возводились в жизненный принцип. Для обывателя той поры, которому прежняя вековая традиция велела всеми силами стремиться к сытости, нарядности, чувственности, плодovitости, – деяние вопиющее. Если перевести на современный язык, монахам инкриминировали «антисоциальное поведение».

Монашество, бывшее на Руси до появления Печерской обители, ставило себя в обществе несколько иначе. Чернецами, жившими в собственных кельях при церквях, становились люди обеспеченные, от имущества они полностью не отказывались и на бедняков, желавших монашеского подвижничества, смотрели пренебрежительно, как то рассказано в Житии Феодосия Печерского. А потому, кроме князя, никому не было дела до этих городских «отшельников».

История, подобная той, что произошла с юным Феодосием или с Варлаамом, в тех или иных вариациях повторялась несколько раз. Мир еще долго не мог смириться с тем, что его отвергают. Первым же из князей это сделал в 1106 году Святослав Давыдович Черниговский, уменьшительно – Святоша. Бывший при нем лекарь немало досаждал князю, умоляя воротиться из монастыря в мир: и братьям твоим, мол, в большую укоризну нищета твоя, и сумасшедшим тебя-де почитают, что сидишь здесь на куче мусора и не имеешь где голову приклонить, и бояре твои пеняют на тебя, что лишил их славы и чести. А Святоша ему в ответ:

«Если ни один князь не делал так прежде меня, то пусть я послужу примером им». (И слова его сбылись очень скоро, в том же столетии.)

Церковь и монашество как ее часть проповедовали одну цель. Разница состояла в том, что монахи делали это самым наглядным образом, не только словом, но и делом, решительным и радикальным. А это не могло не раздражать тогдашнюю общественность, не слишком глубоко пока воцерковленную, пользовавшуюся у приходских священников большими послаблениями на исповеди. Даже просто следовать заповедям и обуздывать себя еще немногие умели. О более тонких моментах никто и не задумывался. Ну как могло князю, к примеру, прийти в голову отменить кривлянье скоморохов и гусли «вещего Бояна» на пирах? (А ведь песельники, вроде знаменитого Бояна, были неразрывно связаны с языческой традицией и считались «Дажьбожьими внуками», людьми, знающими с богами и умеющими волхвовать.) Никто из иерархов Церкви к такому и не призывал. И только Феодосий Печерский, позванный в княжий терем, кротким словом убедил князя Святослава Ярославича задуматься: а так ли весело будет на том свете?

Князья любили своих монахов. Даровали обителям земли, села, звали иноков на обеды, почитали. Святослав Черниговский мучился черной завистью к брату Изяславу Киевскому, что в его земле живут такие светочи духа – Антоний и Феодосий, и в конце концов нашел простой выход: выгнал старшего брата, сам стал княжить в Киеве. Но и князьям несговорчивые подвижники, особенно печерские, становились порой поперек горла. Испытали на себе княжий гнев и Антоний, и игумен Феодосий – ибо удумали, каждый в свое время, перечить власти, укорять и увещевать, наставляя на путь истины и справедливости. Печерские отцы считали это своей первейшей обязанностью в отношении отринутого ими мира. «Подобает нам обличать вас и говорить о спасении души. А вам должно послушать это», – говорил игумен Феодосий князю. В миру живут люди, и о них нужна духовная забота – как о сильных мира сего, так и о слабых.

Социальное служение, начатое Печерским монастырем в игуменство Феодосия, приобретает совершенно непривычные, даже неслыханные для человека того времени формы. Это, во-первых, упомянутое укорение власть имущих – от сборщиков налогов и судей до князей, попытки пресечь или хотя бы ограничить их произвол. Для самих духовных отцов это далеко не всегда было безопасным делом. Игумен Иоанн, к примеру, в 1090-х годах поплатился изгнанием на несколько лет за обличительные речи в адрес князя Святополка Изяславича, большого, надо сказать, безобразника, открыто разбойничавшего с боярами в своем же Киеве. Прежде, до печерских монахов, критиковать действия князя никто не рисковал. Князя могли изгнать во время мятежа, расправиться с его дружинниками, пограбить княжий и боярские дворы – но не обличать открыто. Печерские же отцы не боялись мести сильных мира сего – ибо для них претерпеть безвинно хулу и кару от земных начальников значило приблизиться к Христу.

Во-вторых, служение монастыря миру принимало форму чудотворений, гораздо более удивительных, чем кудесничанье волхвов-язычников, еще забредавших порой в Киев и страшавших народ. Как писал историк XIX века, «жизнь для Бога до готовности умереть за Него открыла над Печерским монастырем небо и наполнила его жизнь сверхъестественным. Там чудеса, там изгоняют бесов, умножают хлеб и мед, исцеляют больных, пророчествуют, туда сходят ангелы... Словом, Печерский монастырь в сознании современников стал “подобен небеси”». Прохор Лебедник во время голода превращает лебеду в хлеб, а когда в городе не стало соли – делает ее из пепла и раздает всё это приходящим к нему. Иконописец Алипий излечивает прокаженного своими красками. Марк Гробокопатель, хотя и не знает с миром, живя постоянно под землей, – тоже в своем роде «уникум» по части чудес: его слушаются мертвые, воскресают на время, пока не готова могила, сами возливают на себя погребальный елей.

Неудивительно, что киевляне шли в монастырь со своими проблемами, попутно меняя мнение о монахах, прежде, быть может, вовсе нелицеприятное. Или, может статься, в глубине души оставаясь при своих старых убеждениях.

Об отношении мирян к этой категории духовенства – монахам – уже во второй половине XII века, через сто лет после Феодосия Печерского, свидетельствовал, живописуя, Кирилл Туровский, яркий проповедник того времени. «...А последняя нищеты житье (монашеское. – *Н. И.*) – сиречь от белоризец (не монахов, мирян. – *Н. И.*) осужденъе, досады и укоризна, хулы и посмехи, опытанья, не бо тако мнят, яко Богу работающа мнихи, но акы прелестники и свою погублеша душу». Иными словами, в монахах видели лицемеров, притворщиков и соблазненных сатаной бездельников. Укоряли их в том, что они не Богу угождают, а гордыню тешат и тем свою душу губят. Даже самому Феодосию пришлось однажды выслушать подобную укоризну в свой адрес. Поздно ночью он возвращался на телеге от князя Изяслава, и возница решил с пассажиром не церемониться: «Черноризец! Ты всякий день без дела, а я наработался. Вот что сделаем: я лягу в телегу, а ты можешь и на коне ехать». Блаженный Феодосий смиренно подчинился.

Если у князей и боярства иноки своими действиями могли время от времени вызывать гнев, то у простого человека, не вовлеченного в сферу монастырских чудотворений, монахи чаще всего пользовались презрением и всяческой неприязнью. Окрестное ворье не раз покушалось на имущество обители, реальное или только воображаемое. Успели народиться и суеверия, связанные с монахами. Одно из них, особо возмущившее летописца, попало в «Повесть временных лет»: «...если кто встретит черноризца, то возвращается (чтобы начать путь заново. – *Н. И.*) и так же поступает, встретив кабана или свинью». Крепко же недолюбливали сограждане монахов, раз поставили их в один ряд со свиньей. Недолюбливали и, очевидно, опасались – поскольку суеверия рождаются от страха и ожидания неприятностей. Можно попытаться представить себе, как, завидев издали черную фигуру, горожанин поспешно сворачивал на соседнюю улицу, а сельский смерд, плюнув в сердцах, закладывал по пути большой крюк. Или как пугали «злым чернецом» непослушных детей.

Впрочем, суеверия – достояние не одного лишь простонародья, они проникают во все слои общества. Один из самых впечатляющих рассказов Киево-Печерского патерика – о том, как пришлось принять смерть монаху Григорию Чудотворцу, ставшему жертвой того самого суеверия. Князь Ростислав шел с дружиной в монастырь благословляться перед военным походом. На берегу Днепра дружинники увидели Григория с ведром (как тут не вспомнить еще одно суеверие: про «бабу с пустым ведром») и, крепко поморщившись от такой оказии, принялись осыпать монаха издевками и руганью. Он им в ответ пророчит: «Великое зло творите, чада, вместо того чтоб молиться о себе и плакать, потому что погибнете все скоро вместе с князем вашим в воде». Ростислав, услышав «угрозы» (и не распознав пророчества), рассердился, велел связать дерзкого монаха, нацепить ему на шею камень и бросить в реку. Да повернул назад, так и не благословившись. А в скором времени, убегая с поля боя после поражения, вместе с дружиной утонул в реке.

Другой занимательный рассказ Патерика из области отношений князя и черноризцев – о том, как князь Мстислав Святополчич, обманутый бесом, пытался у двух иноков про клад, найденный когда-то одним из них в пещере и закопанный обратно, подальше от соблазна. Где зарыт клад, они уже не помнили за давностью лет; князь же, нисколько не веря в их искренность и считая злонамеренными лжецами, велел жестоко пытать обоих. От мучений монахи умерли на следующий день.

И всё же стоит повторить – черноризцев почитали. Для монаха, скрывшегося за стенами обители от мирских соблазнов, этот почет хуже и горше многих унижений – ибо губителен для того, кто дал иноческие обеты. Среди знати в XI–XII веках существовал обычай соперничать друг с дружкой по размаху пиров, устраиваемых специально для угощения – почтения –

монахов. Обычай весьма порицался церковными иерархами, поскольку развращал иноков, не имевших возможности избежать приглашения. Впоследствии такие испортившиеся чернецы с «блудным нравом и обычаем похабным» лишь усиливали вражду мирян ко всем без разбора монахам. (Миру нет дела до собственной нелогичности – и аскет-смирненник для него плох, и «веселый монах» нехорош.)

Такая раздвоенность в отношении к монашествующим будет сохраняться еще долго и доживет до самого XX века. В советское время это отношение станет сугубо однозначным...

Явление аскетического монашества в середине XI века произвело разительное впечатление на всё тогдашнее общество сверху донизу. В давнюю мировоззренческую и бытовую концепцию «Руси веселие есть пити» напористо вклинивалась совершенно иная, диаметрально противоположная концепция вольного терпения страданий и лишений. Естественно, у очень многих она вызывала тогда неприязнь и отторжение. Радикализм способов вольного страдания ради Христа был абсолютно сумасшедшим – на взгляд и тогдашнего мирянина, и нашего современника. Но именно это суровое монашеское страдальчество со временем, особенно в эпоху монголо-татарщины, полюбили люди и на века стало воспитателем стойкости русского духа.

Подвиг терпения, взятый на себя множеством поколений монахов, стал органичной частью «загадочной русской души», для которой в страдании, вольном или невольном, приоткрывается тайна жизни, позволяющая ей, душе, прикоснуться к Богу...

ОТКРОВЕНИЕ ИСТОРИИ. НЕСТОР ЛЕТОПИСЕЦ

В Древней Руси немногочисленная когорта книжников-монахов была в том числе аналогом нынешней армии экспертов-обществоведов, аналитиков-прогнозистов, футурологов. Хотя их литературные творения не вписывались в рамки того, что ныне принято называть научностью, не стоит всё же свысока посматривать на тех первых отечественных гуманитариев. При минимуме тогдашних научных сведений они могли извлекать из них гораздо больше знания, чем современные эксперты из всех информационных терабайт XXI века. Например, в области предвидения будущего.

Нестор Летописец – фигура среди них наиболее известная и легендарная, почти эпическая. Он воплотил в себе родовые черты всех древнерусских книжников, так же, как позднее это произошло с пушкинским Пименом из «Бориса Годунова». Но Пимен лишь беспристрастный свидетель минувшего. Нестор же – явление в русской истории более масштабное...

Историки, изучающие летописание, доньше не могут однозначно ответить на вопрос, для каких общественных целей писались летописи, какие мотивы двигали монахами-книжниками, составлявшими их. Разброс мнений – от мысли об исполнении летописцем «послушания от Бога» до вульгарной версии обслуживания им политических интересов властей. Зная о том, что представляло собой русское монашество, особенно первоначальное, нетрудно отметить последнюю версию. Как писал историк Церкви XIX века, «мир подвижников презирал то, чему поклонялся мир человеческий...».

Древнерусское монашество с его аскетическими, постническими трудами, превышавшими обычные представления, – это еще и питательная среда интеллектуалов, вооруженных знанием всего комплекса тогдашней литературы, от богословской до исторической и естество-описательной. Единственная социальная страта, где чтение книг было не только излюбленным, но и предписанным занятием, трудом, приравненным к прочим духовным подвигам. И для человека, погруженного в мир книжного слова – в мир сакральных смыслов, поскольку вся литература была проникнута светом божественности, – не было иного пути, кроме пути монаха, «земного ангела и небесного человека». Книги знакомили с идеалом христианского отвержения мира сего ради мира иного, и эта высшая степень сочетания со Христом не могла не волновать тонкий ум, не вызывать глубокого отклика в чутком сердце. Книголюбие киево-печерских черноризцев XI–XII веков являлось едва ли не исключительным для тех времен. Игумен Феодосий Печерский, один из первых святых начальников обители, радел о том, чтобы братия была бодра «на предания отеческая и почитания книжная». Трудом монахов создавалась богатая библиотека. И именно там и тогда, в 1070-е годы, появилось русское летописание в том виде, в каком мы его знаем. С тех времен оно стало одним из монастырских послушаний.

Мощи святого Нестора Летописца доньше покоятся в пещерах Киево-Печерской лавры. В Печерский монастырь он пришел около 1073 года, незадолго до смерти игумена Феодосия. По собственному свидетельству, ему было тогда 17 лет. Через 41 год, в 1114-м, преподобный Нестор уйдет в вечность. Вместе с ним обретет бессмертие и его имя, которым подписана одна-единственная редакция самого знаменитого его творения – «Повести временных лет»...

Неизвестно, какие препятствия пришлось преодолеть юному Нестору на пути в монастырь. Возможно, не меньшие, чем игумену обители преподобному Феодосию, «отцу русского монашества», которого колотила и сажала на цепь за попытки уйти из дома собственная мать. Возможно и обратное – благочестивые родители отпустили его с миром, видя твердое решение отрока. А что решение было твердым, можно не сомневаться. Нестор, очевидно, получил хорошее образование в одной из школ, основанных еще Владимиром Святым или Ярославом Мудрым, обладал живым и быстрым умом; в его характере созерцательность сочеталась с жаждой деятельности. Его вполне можно представить, к примеру... путешественником, красочно

описывающим свои «хождения за три моря», или княжеским дружинником, мечтающим побывать в неизвестных землях. Но он облачился в рясу монаха и рассказы о дальних странах и неизвестных народах читал в переводных хрониках либо слушал из уст заходивших в монастырь воевод, купцов, паломников. Книжная премудрость, озаренная нездешним светом, позволяла видеть мир шире, чем в любом путешествии, познавать глубже, чем при погружении в самую гущу событий.

Через несколько лет после пострижения Нестор был рукоположен в сан дьякона. На этом его «продвижение по служебной лестнице» в монастыре закончилось. Началась «карьер» книжника. В то время настоятелем братии стал Никон, прозванный Великим. С его именем и связывают появление летописной традиции в обители. На основе более ранней летописи, которая велась в стенах митрополичьей резиденции, при соборе Святой Софии в Киеве, Никон в 1070-х годах принялся составлять свою. Он усовершенствовал летописные записи – стал помечать их годами, и эту «методику» затем переймут во всех летописных центрах Руси. Его прямым учеником, по всей вероятности, и был Нестор. Летопись Никона была тем самым Начальным сводом («Временником» – по первому слову его названия), который историки считают непосредственным предшественником «Повести временных лет» Нестора, написанной в 1110–1113 годах.

«Повесть...» легла в основу большинства известных русских летописей и до сих пор остается главным письменным источником знаний о древнейшей истории Руси. Она сохранила в себе не только более ранние летописные своды, но и подлинные документы X столетия. Киевский князь Святополк Изяславич открыл для старательного монаха-летописца княжеский архив и позволил переписать договоры Руси с Византией. Это был уже совершенно иной уровень историографии, и Нестора, следовательно, можно назвать первым русским профессиональным историком – и святым покровителем всех тех, кто изучает историю.

В составе «Повести...» есть рассказ о событии, активным участником которого явился сам Нестор. В 1091 году в монастыре происходит обретение мощей преподобного Феодосия. Останки пролежали закопанными в пещере 18 лет и, по свидетельству летописца, лично раскапывавшего могилу, сохранились нетленными. Мощи торжественно переносят в недавно возведенную каменную Успенскую церковь обители для поклонения и молитвы. О себе же Нестор пишет, что был «зачинщиком этого дела». Очевидно, надо полагать, ему принадлежала сама идея открытия мощей Феодосия, которого в монастыре давно почитали как святого.

Незадолго до того либо вскоре после Нестор написал Житие преподобного Феодосия, основываясь на рассказах живых еще свидетелей, старых монахов обители. Это был не первый его опыт в жанре агиографии – в 1080-е годы из-под пера Нестора вышло «Чтение о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба». И здесь он также оказался едва ли не первопроходцем, перенесшим этот род литературы на русскую почву. Ориентируясь в целом на древние египетские, сирийские, палестинские образцы житий, Нестор тем не менее придает повествованию о Феодосии черты почти что биографического очерка – настолько живым и реалистичным, не «иконным» предстает перед читателем печерский игумен. А в «Чтении о Борисе и Глебе» Нестор возвышается до степени публициста и философа истории, представляя Русь во всемирно-историческом контексте, как страну, призванную Богом для совершения своего служения и своего подвига во имя Его. Уже здесь внятно прозвучали те интонации, которые полную силу обретут в «Повести временных лет».

В «Повести...» можно найти и зарисовки из жизни братии Печерского монастыря. На нескольких страницах перед читателем проходят живые образы преподобных отцов-чудотворцев Дамиана, Матвея, Иеремии, Исаакия, бытовые сценки и торжественные эпизоды. Позднее они войдут в сборник рассказов об обители – Киево-Печерский патерик...

Если Пушкин обессмертил в своем Пимене образ смиренного и бесстрастного летописателя, то в XX веке летописца называли пристрастной пропагандистской услугой церковно-свет-

ского начальства. По выражению современного историка Н. С. Борисова, «на опустевший престол пушкинского Пимена усадили щелкопера по прозвищу “Чего изволите?”». По крайней мере в отношении летописцев до XVI века такая трактовка – вульгарное упрощение или просто ложь, происходящие от непонимания богословской основы древнего летописания.

Древнерусскому летописцу была ведома простая истина – сознательное искажение истории, «сказаний» старины, минувших судеб народов есть не просто ложь. Это мятеж против Бога, грех не меньший хулы на Духа Святого.

Вся книжность, вся литература тех веков, была церковной – просвещающей и назидательной. И летописи не стали исключением. Но для кого и чего их писали? Вряд ли для чтения в храмах перед массой прихожан. И вряд ли их читали монахам во время монастырских трапез наравне с житиями святых. «Целевая аудитория» летописей была намного уже.

Это, во-первых, те, кто призван самим Богом быть Его сотворцом в истории. Власть. Правители: князья и их ближайшие советники – бояре. Чтобы быть достойными звания именно сотворца, а не супротивника и разрушителя, правители должны знать, как действует в человеческой истории Промысл Божий. И не поворачивать пути своих стран и народов поперек Божьей воли. Не вводить в великие грехи и соблазны подданных. Не учить злу, не быть примером злодейства.

На ум летописцам не могла прийти мысль, изобретенная века спустя советскими идеологами: что личность в истории ничто или почти ничто, а народ – всё. Личность (правителя, человека из властной элиты) и вся масса народа в глазах летописца были равными величинами. Грехи и добродетели персон власти на весах истории и перед лицом Бога равны грехам и добродетелям всего народа. «Если же какая-то страна станет угодной Богу, то ставит ей Бог цесаря или князя праведного», и «если князья справедливы в стране, то много согрешений прощается той стране», – говорит Нестор в «Повести временных лет». За грехи народа отвечают на земле и на будущем Суде правители. А за грехи властителя, развращающие народ, наказываются все.

Если в человеческой истории действует Промысл Божий (об этом говорят и Ветхий, и Новый Завет), значит, история – поле для познания Бога. А богопознание – прямой долг любого христианина, но особенно монаха, человека, умершего для мира, и особенно – монаха книжного, богословствующего, учащего всех прочих. Это вторая после правителей, или даже скорее первая, целевая группа, для которой предназначались летописи.

Бог, управляющий историческим процессом, открывает Себя миру в Своих деяниях. «...Исследование человеческой истории с целью выявления в ней непрестанно действующего Божественного Промысла может... рассматриваться как... способ естественного богопознания» («Догматическое богословие», прот. О. Давыденков). Естественного – то есть через «исследование и изыскание».

В изучении событий истории познается воля Господня, Его отцовская любовь к людям и странам, хотя бы самым диким и непросвещенным. Его долготерпение к тем, кто совершает самые невероятные человеческие преступления, эхо которых звучит в веках подобно иерихонским трубам. Его «педагогические меры» по исправлению нравов целых народов. Одна из таких мер, хорошо знакомых Древней Руси, – нашествие степняков-язычников. «Наказывает Он нас нашествием поганых; это бич Его, чтобы мы, опомнившись, воздержались от злого пути своего... Через... мучения от них познаем Владыку, которого мы прогневали», – утверждает Нестор, очевидец набегов половцев на Русь в конце XI века и разорения ими Печерского монастыря.

В деяниях человеческих Бог рассказывает народам о них самих – их преимущественных пороках и добродетелях, сильных и слабых сторонах. Рассказывает для научения, вразумления, предостережения.

Сохранить в памяти потомков исторические события в их последовательности, точности и назидательности значило для летописца стать переписчиком Книги, которую пишет от созда-

ния мира Творец. Это было прикосновение к святыне – только так понимал он свой труд. Для него немыслимо искажение этого Откровения истории своими субъективными оценками. Вот почему в русских летописях отсутствует личностное, авторское начало. Хотя в «Повесть временных лет» вкраплено несколько эпизодов, написанных от первого лица: это сугубо позиция очевидца, а не интерпретатора событий; в дальнейшем летописцы отказались и от этого приема. Трактовки и оценки возможны только там, где есть ясные Божьи указания. К примеру, явные свидетельства Его гнева (военное поражение христиан в день церковного праздника) или милости (помощь небесных сил в кровопролитном сражении, победа, пришедшаяся на праздник).

К букве и духу Истории у летописца почти такое же отношение, как к букве и духу Священного Писания. Назидания истории спасительны для народов и стран, как спасительны для человека слова Писания. Для народа забыть свое прошлое всё равно что для христианина выбросить Евангелие. А тот, кто ложно переписывает Книгу истории, – разбойник, и его не минует наказание.

Кто и зачем искажает историю? Те, кому надо утаить свои былые преступления, возвеличив их как благородные деяния. Те, чья гордыня приписывает им не совершенные подвиги. Те, кто не желает переменять ум – идти к покаянию. Тот, кто противится воле Божьей, ставя выше волю человеческую. Тот, кто клеветает на истинного Творца истории, приписывая Ему то, чего Он не делал. Кто пытается напяливать белые одежды Истины на ветхие лохмотья своего греха. «Дух дышит, где хочет», – а люди ничтоже сумняшеся говорят: Он дышал вот тут, у нас, а не там, у них. Или отрицают Промысл, приравнивая историю к набору случайностей, фишек, выпавших так, а не эдак: а значит, невозбранно думать и убеждать прочих, что «на самом деле» фишки выпали не так и не эдак, а вовсе в третьей позиции...

Но Нестор – это и не Пимен, просто фиксирующий события. Его взгляд охватывает не только сбывшееся из Божьего замысла о всем человечестве и о Руси, но и то, что было пока неизвестно современникам и лишь вызревало в сокровенных глубинах исторического времени.

Нестор не только рассказывал прошлое. Он участвовал в созидании того, что станет историей позднее. Своим проникновением в минувшее он на основе его очерчивал контуры русского будущего. Это умеют лишь немногие. Это – мудрецы от истории, ее философы. Они формулируют канву, по которой народ в лице своих правителей потом вышивает свою историю. Они создают религиозно-идеологические концепции, показывают цивилизационные ориентиры – творят «национальную идею».

Основная идея «Повести временных лет» – идея Руси. Само понятие «земля Русская» у Нестора многозначно – страна, государство, народ, отечество. Но это и нечто более масштабное: словами другого книжника XI века, митрополита Илариона, страна «ведомая и слышимая всеми четырьмя концами земли». Ощущение русской державности, величия красной нитью проходит сквозь всё творение Нестора. Чувство особености и уникальности судьбы Руси – настолько, насколько уникален исторический путь любой самостоятельной мировой цивилизации. Летописец, вглядываясь в прошлое, видел сквозь него будущее – великое без всякого преувеличения. Точнее, это было спокойное ожидание большого будущего.

На чем оно основывалось в то время, когда и русского народа как сложившегося этноса еще не существовало, и само государство еще продолжало складываться (хотя по размерам уже оставляло далеко позади любую страну Западной Европы)? Одно из значений слов «земля Русская» у Нестора главное – с уточняющим добавлением: «земля Русская, люди христианские». Формально Русь была христианской вот уже век, на деле же православное население городов являло собой тонкую прослойку в массе по-прежнему темно-языческого посадского и сельского люда. Некрещеными оставались и целые племенные союзы. Может быть, Нестор и другие книжники не знали этого? Знали. Об убийствах миссионеров язычниками в вятичских лесах они хорошо были осведомлены. Примерно в начале 1070-х годов в Ростовской земле во время

мятежа, возглавленного волхвами, погиб тамошний епископ Леонтий... Или же они выдавали желаемое за действительное?

Так может показаться. В самом деле, Нестор постоянно оперирует словом «русский», хотя ничего собственно русского, в нашем понимании, тогда еще не было. Ни народа, ни языка, ни русской знаменитой души и русского же характера. Государство и то славяно-варяжское. Но летописец не мечтатель – скорее практик. В своих писаниях Нестор и другие древние книжники как раз и формировали это русское: религиозное, культурное, историческое самосознание народа – всё то, что является фундаментом нации.

Но что-то все-таки уже было. То, что можно увидеть въяве, рассмотреть, распробовать, – и ощутить тот самый вкус будущего.

Были «люди христианские», «новые люди, христиане, избранные Богом». У Нестора это становой хребет не государства, не нации, а новой православной цивилизации, отпочковавшейся от византийской. Новые «люди христианские» – вот та цивилизационная закваска, которая вскоре поднимет все тесто, и в итоге, много позже, из Божьей печки выйдет Русь Святая.

Культурный код христианской Руси в сознании летописца к тому времени был уже выработан, опережая создание полноценного государства и рождение единой нации.

«...Кого так любит Бог, как нас возлюбил? Кого так почтил Он, как нас прославил и превознес?» – восклицает летописец на страницах «Повести...», имея в виду землю Русскую. Со времен своего крещения Русь мыслится книжниками отдельным христианским миром, рассматривается в отстранении и от «жребия Симова» – исламского Востока, и от папского Запада, и даже от православной Византии. На Руси пересекаются пути, ведущие во все эти земли, но это всего лишь торговые и политические интересы. Русская цивилизация будет говорить с Богом на своем языке, заведет с Ним свои отношения и будет служить Ему на свой манер. А это и есть то главное, что отличает мировые цивилизации друг от друга (если не учитывать такой тонкости, как различие представлений о том, кого или что считать Богом).

Эта особенность будущей русской цивилизации явно проглядывала уже в истории «испытания вер» Владимиром Крестителем, рассказанной летописцем. Князь внимательно выслушал мусульман, иудеев, латинян и православного «философа». Он сопоставлял масштаб каждой религии с потенциями своей страны, и первые три оказались для него и для Руси слишком недостаточными, чтобы отдаться им всеми силами души. Князь выбрал православие, так как счел его наиболее величественным, могущим вместить всю силу и страстность его натуры. Только этой вере он мог отдать себя всего, до конца. Только Святой Троице византийского исповедания могла до земли поклониться богатырская Русь.

Признаки новой цивилизации были очевидны для древнерусского книжника. Прежде всего – ее, несмотря на общую веру, отличие и независимость от византийской. Византия для Руси не родная, пусть даже Царьград и центр мира. «Греки до сего дня лъстивы» (лицемерны), – лаконично отозвался о ромеях летописец. Для Византии христианская Русь – слегка укрощенный варварский сосед второстепенного значения. Для Руси Византия – не вполне добросовестный партнер, покушающийся на ее суверенитет и прочие государственные интересы.

Очень быстро у киевских князей пропало желание копировать на Руси политические формы Византийской империи. Пожалуй, выпуском ограниченного тиража золотых и серебряных монет и монументальным строительством дело и ограничилось. Князья звались царями не стали, предпочтя тюркского «кагана», и на царский венец не претендовали, как правители соседних православных стран. Идею происхождения власти от Бога, хотя и были с ней знакомы, в политический оборот не запускали. И книжники поддерживали их, не напирая на эту идею в летописании, используя ее лишь «точечно». А ведь вполне могли «раскрутить» ее, возвеличивая христианскую Русь и русских правителей («...поставляет Всевышний цесаря и князя, каких захочет дать» – слова из «Повести временных лет»). Но не стали. Очевидно, в этом не было

особой потребности. И без того князя и духовная элита ощущали паритет Руси и Византии: мы – равные. Но – другие.

Киевская Русь не хотела становиться дубликатом Византии. У нее была иная политическая система совместного княжеского владения страной, которую позднее историки прозвали «империей Рюриковичей». Можно предполагать, на Руси считали эту систему гораздо более отвечающей духу христианства – братской любви. Старший киевский князь был для остальных одновременно братом и отцом, обязанным поддерживать справедливые отношения между ними. Сидя на своих «столах», Рюриковичи составляли «княжескую полифонию», голос каждого выводил свою партию в общей мелодии. В идеале братья-князья должны были отображать нераздельное единство Лиц в совете Святой Троицы. Но идеал на земле не воплотим, и в истории Руси «империя Рюриковичей» осталась уникальным, однако неудавшимся политическим опытом.

Оригинальными были и социальные модели. Одна из них – княжеское нищелюбие, знаменитые пиры для бедных и убогих на дворе киевского князя, запомнившиеся народу на века.

О самостоятельности русской цивилизации среди прочих летописцам говорила и складывавшаяся культура, опять же своя, неповторимая. Именно на этой почве киево-печерские монахи составляли «оппозицию» митрополитам-грекам на киевской кафедре. Те свысока посматривали на окультуренных «варваров» и значение придавали лишь привозному из Византии, Болгарии культурному продукту. Монахи верили в собственные силы Руси. Для греков прославляемые русские святые оставались сомнительными: митрополита Георгия в 1072 году лишь явное чудо убедило в святости страстотерпцев Бориса и Глеба. У русских же книжников не было никаких сомнений: святые начальной Руси – князья, преподобные, мученики, безоглядно послужившие Христу, – еще одно свидетельство того, что земле Русской дарована великая судьба.

Очертания этой будущей судьбы находим в «Повести временных лет». В апокалиптические времена Руси предстоит принять на себя удар «нечистых народов», противостоять им, как противостоят она кочевым хищникам уже несколько столетий – печенегам, торкам, половцам. Именно о Русскую землю стачивают они зубы, чтобы обессиленными раствориться в небытии.

Мог ли летописец предвидеть скорое появление еще одной орды губителей – монголо-татар? Не только мог, но и предупреждал об этом не раз на страницах летописи: кровавые свары князей и людское нечестие доведут страну до гибели. «Наводит Бог в гнев своем иноплеменников на землю», а Русь, «больше всех почтенная» Богом, и наказывается Им более других. Созвучие этих предупреждений Нестора и горьких покаянных слов книжников эпохи после монгольского нашествия полнейшее.

Нестор делал свои наблюдения на основе опыта минувших лет и современности. Он видел не только гибель, но и надежду. Прозревал Русь состоявшуюся, зрелую летам и мудростью, славную среди прочих государств. В этом, как ни странно, и Россия нынешняя может видеть свою надежду. «Большие ожидания» Летописца не исчерпаны Русью до сих пор. Ведь наше время похоже на эпоху Нестора: тогдашняя медленная христианизация языческих масс очень напоминает нынешнюю неспешную рехристианизацию оязыченного в XX столетии народа...

ЖИТИЕ ИКОНОПИСЦА АЛИПИЯ: МЕЖ ДВУХ ОБРАЗОВ УСПЕНИЯ

Один из самых светлых образов в рассказах Киево-Печерского патерика о первых на Руси преподобных отцах – иконник Алипий.

В духовной жизни Руси в XI–XII веках многое совершалось впервые. Алипий Печерский – первый известный (и прославленный современниками) русский иконописец. Более того – святой иконописец, претворивший свою жизнь в монашеское подвижничество. В Печерский монастырь под Киевом он пришел около 1084 года, чтобы обучиться искусству у греческих мастеров, украшавших мозаиками Успенскую церковь. Тридцать лет спустя его иконописное мастерство достигло таких высот, что даже ангел Господень, написавший в его келье икону, вынес ее на суд Алипия.

Небольшой рассказ Патерика об Алипии – это четыре эпизода его жизни, и в центре каждого из них – чудо. Но светлость образа иконописца создается не только дивными чудотворениями и не только личными свойствами кроткого, смиренного подвижника. В рассказе об Алипии Печерском одна из ключевых – тема божественного нетварного света, которым просияли две иконы Богоматери. Эти два образа как бы обрамляют всю известную нам жизнь преподобного: один стоит при ее начале, другой – при земном ее завершении.

Киево-Печерский монастырь посвящен Божией Матери – празднику Успения. С самого начала обитель пребывала под покровительством Богородицы, которая сама направила на Русь из Византии зодчих для строительства монастырского храма, а затем для украшения его привлекла греческих мастеров иконописи и мозаики. «Я сама приду посмотреть церковь и буду в ней жить», – прозвучало тогда Ее обетование. Зримым знаком исполнения этого обещания стала икона Успения, врученная строителям Царицей Небесной. Это была первая на Руси чудотворная икона именно праздника – а не просто образ Богородицы, как, например, Владимирский или Смоленский.

Молодому Алипию, проходившему курс художественных наук при отделке мозаиками только что построенной Успенской церкви, довелось стать зрителем «дивного и страшного чуда». Вместе с мастерами он «воочию видел Святого Духа, пребывающего в той святой и честной церкви Печерской», в виде голубя, вылетевшего из алтарной богородичной иконы и освятившего собой все прочие образы в церкви – в том числе праздничный Успенский. И «свет, ярче солнечного, озарил всех, ослепляя глаза человеческие», – тот самый свет, которым просиял на горе Фавор в день Преображения Сын Божий.

Свидетель одновременного явления Духа Святого и нетварного божественного света, Алипий уже не захотел жить мирской жизнью и принял иночество – в том же Печерском монастыре, под кровом Богоматери.

Поскольку Алипий был не просто печерский монах, а иконник, его отношения с Богородицей – особые. Первыми рукотворными иконами в истории христианства были образы Богородицы, написанные евангелистом Лукой. Пречистая Дева, благословив эти изображения, тем самым благословила иконописное искусство и явила Свое благоволение иконописцам. В жизни и особенно в событиях кончины Алипия это благоволение видно отчетливо.

Об Алипии известно, что он не только писал иконы, но и был первым на Руси их реставратором: он просил, чтобы ему приносили старые, потемневшие, обветшавшие образа для поновления. Однако его труд как изографа и реставратора имеет и совершенно метафизическое измерение. В описании одного из чудотворений Алипий выступает как реставратор душ человеческих, поновитель изначального образа Божия, вложенного в человека, но затемненного и обветшавшего от грехов.

Некто из киевлян, не особенно усердный в христианской вере, а точнее совсем не усердный, заболел проказой и не мог вылечиться. Решив в конце концов прибегнуть к монастырскому способу – омовению водой из святого источника, он лишь еще больше покрылся язвами. Урок позволил ему осознать свою духовную нечистоту. Он пришел к Алипию (имевшему сан священника) и исповедался. Иконописец, «много поучив его о спасении души», взял краски, кисть и замазал гнойные язвы на лице прокаженного. Заново написал ему лицо, придав «прежнее подобие и благообразие». Затем причастил его, дал умыться водой из алтаря – и болящий исцелился.

При помощи материальных красок Алипий наглядно показал невидимое и невещественное: то, что происходит в человеческой душе, когда она возвращается к вере, к Богу и к христианским таинствам. Закопченная грехом икона Божия – христианин – восстанавливает в себе образ Божий. Человек очищается, исцеляется от духовных и физических язв, становится поновленной иконой и уже не смеет быть «иконоборцем», сознательно обезображивающим в себе лик Господень.

Алипий-иконописец – врачеватель этого внутреннего иконоборчества. Прокаженный из рассказа Патерика – именно такой иконоборец, совершенно очевидный. «Покрылся он весь гноем за неверие свое», за то, что игнорировал «Единого на потребу», искал врачевства у волхвов-идолобесников, у врачей-иноверцев – но только не у Отца Небесного. Своими деяниями он измазал копотью и грязью собственный образ Божий. Исцеление же, сотворенное руками иконописца, – это торжество иконопочитания, с IX столетия, после победы над ересью иконоборчества, празднуемое Церковью как Торжество православия.

Но прежде чем врачевать этот страшный недуг, Алипий сам должен был обновить в себе образ Божий и пойти далее – к возвращению утраченного некогда людьми богоподобия. Если в земной медицине врач может быть болен чем угодно и это не помеха его лекарской практике, то во врачебстве духовной иначе – неизлеченный не станет лекарем. Язвительное присловье «врачу, исцелися сам» тут отпадает.

После этого случая по Киеву быстро распространилась слава об Алипии. А может, он уже был знаменит как искусный мастер. Во всяком случае, теперь соединяются в одно известность изографа и слава чудотворца. У Алипия появляются почитатели его талантов – иконописного и подвижнического, а также враги-завистники. Следующий рассказ Патерика соединяет тех и других в одном повествовании. Два печерских монаха, тоже занимавшиеся иконописанием, решили, что называется, подставить Алипия. Они взяли заказ на несколько икон у богатого киевлянина, чтобы подрядить на исполнение работ Алипия. Киевлянин желал, чтобы образа писал именно Алипий: «...благословения его хочу, и молитвы, и дела рук его», и несколько раз охотно давал пройдохам деньги. Когда подошел срок сдачи работы, выяснилось, что Алипий ничего не знает и иконы не сделаны. Точка в скандальном деле была поставлена свыше: когда принесли иконные доски, полученные ловкачами от заказчика, на них обнаружили написанные «с великим искусством» святые лики. Эти самоизобразившиеся иконы были поставлены в киевской церкви, а слава Алипия с этих пор стала еще громче, несмотря на то, что изгнанные из монастыря мошенники продолжали клеветать на чудотворца.

Вполне вероятно, что одну из тех икон сейчас можно видеть в Третьяковской галерее. Это большой образ Богородицы Великая Панагия, также называемый «Ярославская Оранта». Долгое время, с XII до конца XVIII века, он находился в ростовском кафедральном Успенском соборе, а затем, с переводом епархии в Ярославль, был отвезен туда. В Ярославле в 1919 году икону и изъяли советские искусствоведы. Ну а в Ростов она попала благодаря еще одному чуду. Во время пожара в Киеве церковь выгорела, однако все семь Алипиевых икон остались невредимы. Это случилось уже после смерти иконописца, в годы киевского правления великого князя Владимира Мономаха. Князь, узнав чудную историю этих образов, отправил один из них в главный собор ростовской епархии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.